

Бойцова Елена Евгеньевна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН СЕВАСТОПОЛЬСКОГО РАЙОНА В 20-Х ГГ. XX в.

Статья посвящена актуальной и пока малоисследованной проблеме взаимоотношений Советской власти и мусульманских общин Крыма в 1920-е гг. На основе архивных документов представлен анализ механизма проведения советской церковной реформы по отношению к мусульманским общинам Севастопольского района.

На современном этапе возрождения религии в Украине большой интерес вызывает изучение и новое осмысление церковной политики органов советской власти в 20-х гг. XX в., ее региональных особенностей. Анализ положения различных конфессий в правовом поле Крымской АССР, их взаимодействия с центральными и местными органами советской власти позволяет глубже изучить механизм государственного подавления религии в данный период. Особенно актуально исследование идеологического противостояния насаждавшегося атеистического мировосприятия и традиционной этноконфессиональной системы ценностей.

Предметом нашего исследования стали взаимоотношения органов государственной власти Крымской АССР и мусульманских организаций Севастопольского района в 1920–е годы.

Целью данной работы является комплексный анализ положения и деятельности мусульманских общин Севастопольского района в указанный период. В качестве основных задач исследования можно выделить следующие:

- изучение социальной структуры, численного состава и локализации мусульманских общин в Севастопольском районе;
- анализ системы конфессионального образования у мусульман Севастопольского района;
- выделение методов антирелигиозной кампании местных органов советской власти по отношению к мусульманским общинам.

Проблема взаимоотношений органов государственной власти и религиозных организаций Крыма в период проведения советской церковной реформы привлекает пристальное внимание исследователей в последние годы. Исследованию политики государственных органов Крыма в отношении православной церкви в 1917-1939 гг., положения православных монастырей, анализу обновленческого движения в Крыму посвящен целый ряд статей и монографий Ю.А. Катунина [3;4]. Методы идеологического воздействия органов советской власти на верующих различных конфессий в Крыму, особенности проводимой здесь антирелигиозной кампании получили некоторое освещение в исследованиях Р.Н. Белоглазова [1;2]. Однако практически неисследованным остается механизм проведения советской церковной реформы по отношению к представителям других крымских конфессий: мусульман, протестантов, католиков и т.д. Материалы Севастопольского районного исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов, а также исполкома Севастопольского Горсовета за 1922 –30 гг., хранящиеся в Государственном архиве г. Севастополя (далее - ГАС) позволяют рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы.

В Крыму только в 1922 г. стали проводить в жизнь основные положения декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятого 23 января 1918 г. В конце 1922 – начале 1923 гг. происходило организационное оформление крымской структуры управления религиозной деятельностью, были созданы церковные столы при отделах управления окружных исполкомов, подчиненных церковному подотделу НКВД Крымской АССР, начал осуществляться учет культовых зданий и церковной собственности. Материалы Севастопольского района подтверждают точку зрения Р.Н. Белоглазова о том, что в этот период большая часть религиозных общин еще не прошла регистрацию и не несла юридической ответственности за находившееся в их фактической собственности имущество [1,с.127]. В частности, даже к 1924 г. в Севастопольском районе было зарегистрировано только 9 мусульманских общин, при этом действовало 25 мечетей [10, л.5]. НКВД Крымской АССР, стремясь установить контроль над всеми конфессиональными организациями, 30 мая 1923 г. издал инструкцию «О порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съездов таковых», которая запрещала деятельность не зарегистрированных религиозных общин. Для регистрации фактически существующих обществ требовалось подать следующие документы: заявление, устав общества, список членов общины по специальной форме, с указанием Ф.И.О., места жительства, социального положения, имущественного положения, общественного и служебного положения с 1914 г., сословной принадлежности до революции, времени вступления в культ, список членов приходского совета, список священнослужителей, протокол избрания приходского совета и справку о его местонахождении. Устав представлял собой стандартную форму из 6 разделов, в которых регламентировались права и обязанности религиозных обществ. Кроме того, община подписывала с райисполкомом или горсоветом договор о приеме в бесплатное пользование культового имущества и молитвенного здания. Уполномоченные обществом лица могли собирать добровольные пожертвования для покрытия культовых расходов, однако, обязательные членские взносы не вносились. Зарегистрированные религиозные общины получали право заключать сделки частноправового характера, связанные с управлением культовым имуществом, но при этом были лишены права юридического лица и права владения собственностью. Органы власти должны

были в двухнедельный срок с момента подачи документов зарегистрировать религиозное общество или отказать в регистрации [12, л.2а].

В первой половине 1920-х гг., учитывая особый интерес к национальным проблемам Крыма и значительную роль ислама в национальном самосознании крымских татар, органы советской власти проводили достаточно осторожную политику по отношению к мусульманским религиозным организациям. Например, в циркуляре № 316 Центрального Административного управления Крыма от 1.09.1924 г. предлагается для проведения учета всех мусульманских монастырей, числа монахов, имен шейхов «выделить способного и энергичного работника, на которого возложить ответственность за выполнение работы, к которой необходимо подойти с осторожностью и должным тактом» [10, л.1,2]. В том же документе обращается внимание, что изъятие вакуфного имущества не носило систематического характера, и предлагается на местах произвести учет всех мусульманских общин, а также находящегося в их владении имущества до 15.09.1924 г. По результатам проверки руководителя Церковного стола Севрайисполкома В. Канавина в Севастопольском районе зарегистрировано 9 мусульманских организаций, выявлено 25 мечетей, отмечено, что мусульманских монастырей нет, вакуфные земли находятся в распоряжении Комитетов взаимопомощи, старых описей в мечетях не имеется, сведения даны по наведенным справкам. Наиболее активными и многочисленными являлись мусульманские общины в деревнях Узен-Башик, Шули, Байдары, Верхний и Нижний Чоргунь, Уппа [10, л.3].

Учитывая высокий уровень религиозности среди крымских татар, органы государственной власти с одной стороны старались поставить под контроль деятельность мусульманского духовенства и направить ее на поддержание мероприятий советской власти, а с другой стороны подтачивать приверженность исламскому вероучению с помощью атеистической пропаганды через систему школ, клубов, читален. Показательны в этом отношении протоколы собраний религиозных общин мусульман Байдарского сельсовета, на которых с докладами о результатах работы Съезда Крымских мусульман, состоявшегося 1.09.1924 г. выступали уполномоченные Народного управления религиозными делами мусульман Крымской АССР. Только на территории данного сельсовета действовали три уполномоченных из числа местных жителей: Афиз Мамед Али, Исмаил Сулейман и Абдурахман Абдульмеджид. Например, Исмаил Сулейман на собрании мусульманских общин деревень Байдары и Чоргунь, обращался к духовенству с предупреждением: «...не смущать народ ложными словами, а учить так, чтобы все пошли по советской линии... чтобы стремились учиться днем и ночью, заканчивать ликбезы, отдавать в Советские школы своих детей... чтобы женщины знали, что они наравне с мужчинами допускаются к просвещению во всех Советских школах» [9, л.3].

Судя по данным регистрационных документов мусульманских общин этого периода значительная часть верующих крымских татар не получила даже начального конфессионального образования, поэтому актуальным являлся вопрос о разрешении преподавания мусульманского вероучения. Наркомпрос и ЦАУ Крыма 14.03.1925 г. издали «Инструкцию о порядке преподавания мусульманского вероучения на территории Крымской АССР» [5, л.5]. Религиозные общины могли ходатайствовать о разрешении конфессионального обучения для лиц, окончивших первую ступень Советской школы, но не ранее достижения 14-летнего возраста. Преподавание мусульманского вероучения можно было проводить в свободное от школьных занятий время в специально выделенном при мечети помещении, соответствующем принятым санитарным нормам. Работникам культурно-просветительных учреждений запрещалось исполнять обязанности преподавателей вероучения. Инструкция предусматривала, что кандидат, избранный на должность вероучителя, должен был сдать специальный экзамен при Народном управлении религиозными делами мусульман Крымской АССР, а затем представить в местный Исполком полный список учащихся и план преподавания вероучения, включавший изучение Корана и основ арабского языка. В соответствии с п. 5 циркуляра № 57 от 14.03.1925 г. преподаватель вероучения нес персональную ответственность, если без предварительной регистрации начал проводить занятия или не поставил власти в известность об изменениях в составе учеников [13, л.2]. В декабре 1925 г. в районные и городские исполкомы Крыма был разослан циркуляр № 90, рекомендовавший «не чинить препятствий к преподаванию мусульманского вероучения в рамках действующих инструкций и циркуляров» [13, л.6].

В крупных мусульманских общинах Севастопольского района действовали такие представители духовенства как мулла, муэдзин, мутевели. В частности религиозным обществом деревни Кучки, насчитывавшим 59 человек, были приглашены мулла, помощник муллы и муэдзин, в общинах деревень Нижний Чоргунь (51 чел.) и Уппа (55 чел.) - мулла, муэдзин, мутевели. В общине при Севастопольской мечети, кроме того, действовали имам и хатыб. При этом все служители культа не получали жалования [11, л.8,9].

В 1927 г. началось усиление антирелигиозной работы среди национальностей, исповедующих ислам, в масштабах всей страны. В соответствии с новой инструкцией «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви в части, касающейся административных распоряжений и надзора», утвержденной ЦАУ Крыма 4 апреля 1927 г., ужесточился контроль за деятельностью служителей культа, особенно в области преподавания вероучения. Примером строгого соблюдения данных требований могут служить материалы «Об организации и деятельности школы мусульманского вероучения, находящейся в деревне Байдары при Пятивременной мечети с 15 мая 1927 г. по 23 мая 1928 г.» [14]. Преподавать основы исламского вероучения был приглашен Абдурахман Мечмеддин, 1878 года рождения, получивший образование в Зинджили-медресе, который с 1912 по 1921

гг. состоял муллой в деревне Хейто, а с 1921 г. – в деревне Байдары. Сохранилось удостоверение Народного управления религиозными делами мусульман Крымской АССР на его имя от 22 ноября 1926 г., подтверждающее, что он успешно сдал экзамен и имел право занимать должность вероучителя. По утвержденному в Севастопольском Райисполкоме плану преподавания прием учеников производился с 1 по 20 октября 1927 г., а с 20 октября начинались ежедневные занятия с 8 до 11 часов (кроме пятницы) по изучению Корана и переводу с татарского на арабский. Об открытии мектебе в помещении при мечети ходатайствовала байдарская мусульманская община (158 чел.). По зарегистрированному местным сельсоветом списку учащихся проходить обучение собирались 30 человек, 1911 и 1912 гг. рождения, из них 9 девочек. Мечмеддин Абдураман подписал стандартное обязательство для Стола религиозных культов, что ознакомился с циркуляром № 57 и несет ответственность за его соблюдение [14, л.4-6]. Дальнейшая судьба преподавателя этой школы сложилась трагично. В органы прокуратуры Севастопольского района поступили сведения от секретаря Байдарской ячейки ВКП (б) о том, что в школе обучается 39 человек, а по списку – 30, причем из зарегистрированного списка занимается 3 человека, а остальные 36 – не зарегистрированы. Оперативно было начато расследование, проведена сверка списков. В результате школа была закрыта, а на Мечмеддина Абдурамана заведено уголовное дело [14, л.26-28].

Дополнительные проблемы в деятельности крымских мусульманских общин возникли в результате землетрясения 1927 г., когда пострадали многие мечети, особенно сельские, построенные из глины и других непрочных материалов. В соответствии с циркуляром № 351 НКВД РСФСР от 19 сентября 1927 г. «О порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культового имущества» закрытие аварийных, не подлежащих ремонту мечетей могло служить основанием для расторжения исполкомом договора с общиной. В Севастопольском районе была разрушена и разобрана Пятивременная мечеть в деревне Уркуста [8, л.7].

В 1927 г. в связи с усилением антирелигиозной работы активизировалась компания по лишению избирательных прав всех представителей духовного сословия. Руководством служила статья 15 - м инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г., по которой лишались избирательных прав все служители культа независимо от того получали ли они за исполнение своих обязанностей вознаграждение. За 1927 г. в Севастополе и районе по этой статье были лишены избирательных прав 44 человека, из них отrekliсь от сана 8 человек [6, л.9]. Вынужденные отречения от сана представителей мусульманского духовенства власти активно использовали в антирелигиозной пропаганде. Все заявления представителей духовенства Севастополя и района об отречении от сана публиковались в газете «Маяк Коммуны». Например, в номере за 19 ноября 1927 г. под заголовком «Бога нет, религия - обман» была опубликована заметка Каир Лятифа, отказавшегося от сана муэдзина из деревни Шули, а 20 июля 1928 г. опубликовано заявление Сеит Аппас Сейдона, муллы деревни Узенбашик с просьбой снять его с учета как представителя духовного сословия, «ибо в дальнейшем в сани муллы оставаться ни одного дня не желаю, ...считаю большим позором обманывать отсталую массу рабочих и крестьян религиозным дурманом».

В феврале 1929 г. при Севастопольском райсовете Союза безбожников приступила к работе татарская секция, которая в первую очередь повела работу в деревнях. Заказывались атеистические лекции, избам-читальням передавалась специальная литература, накануне мусульманских праздников организовывались выезды агитпоездов в район. В газете «Маяк Коммуны» за 9 февраля 1929 г. помещен отчет Союза безбожников о подготовке к антибайрамовской компании. В январе 1930 г. в Севастополе и районе так же как в других регионах Крыма началось проведение массовых митингов с требованием закрытия культовых зданий.

Однако, не смотря на жесткий прессинг со стороны органов власти, уровень религиозности среди верующих мусульман почти не снижался. На начало 1931 г. в г. Севастополе и районе было зарегистрировано значительное число представителей мусульманского духовенства: муллы – 28 человек, муэдзины – 11 человек, имамы – 5 человек, из них сняли сан: муллы – 10 человек, муэдзины – 2 человека, имамы – 1 человек [8, л.11]. Церковный стол при Севастопольском Горсовете по заданию ЦАУ Крыма составил подробную справку о деятельности религиозных обществ в районе по состоянию на 10 августа 1931 г. В документе, состоящем из 16 разделов, особое внимание обращалось на следующие вопросы: функционируют ли культовые здания в данный момент, закрывались ли они и почему, когда были снова открыты, состояние храмов, кто проводит службу, остались ли представители служащего или заштатного духовенства, как проявляет себя духовенство по отношению к мероприятиям советской власти, в частности к колхозам, какова посещаемость храмов, финансовое состояние религиозных общин, деятельность культурно-просветительных учреждений на антирелигиозную тему, мнение сельсовета о возможности ликвидации храмов [8, л.14-19]. Ограничения в деятельности мусульманских организаций, гонения на представителей духовного сословия привели к тому, что из действующих в районе 19 мусульманских общин, 8 – не прошли перерегистрацию, служащего духовенства не осталось, в 8 общинах не было даже заштатного духовенства, в 5 общинах представители заштатного духовенства отказались от сана и не проводили служб, служили сами верующие. Имели место случаи, когда один представитель мусульманского духовенства обслуживал несколько сел, переходил из деревни в деревню и совершал службы в 2-3 мечетях. В городе и районе было выявлено 25 мечетей, при этом многие мусульманские храмы закрывались в период раскулачивания в 1928 – 1929 гг., а затем были вновь открыты самими верующими, например, в деревнях Сехтик, Скеля, Календы, Хейто и ряде других. Отмечается, что «верующие делают сборы и отдают последнее», чтобы поддерживать мечети должным образом, поэтому

13 из них в тот момент находились в хорошем состоянии, мечеть в Хейто являлась лучшим зданием в деревне и только 2 сооружения пришли в плохое состояние. Почти во всех мечетях регулярно проводились пятничные и праздничные службы, ежедневные службы отправлялись гораздо реже. Антирелигиозная пропаганда велась через развернутую в каждом селе сеть школ, читален, красных уголков. Однако, судя по анкете, уровень проводимых мероприятий был низким и не приводил к желаемым результатам. Отмечалось, что лекции бывали очень редко, крестьяне относились к ним без энтузиазма, многие уходили с середины занятий. Поднимать вопрос о ликвидации мечетей почти повсюду местные органы власти считали невозможным, полагая, что это пагубно отразится на колхозной работе. Даже в Севастополе уровень посещаемости мечети, по сравнению с дореволюционным, снизился только на 50 %, и численность верующих оставалась значительной [7, л.81].

В целом, анализ деятельности мусульманских общин Севастопольского района в 1920–е годы показывает, что преодолеть религиозность крымскотатарского населения пропагандистскими методами органам советской власти удавалось слабо, поэтому в 1930–е годы усилилось административное давление на все религиозные организации, началось планомерное закрытие мечетей, также как и храмов других конфессий. В Севастопольском районе большинство мечетей было закрыто к 1938 г.

Источники и литература.

1. Белоглазов Р.Н. Осуществление декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Крыму (1921-1923 гг.) // Крымский архив.-1999.- № 5. – С.122-133.
2. Белоглазов Р.Н. Идеологическое воздействие органов государственной власти на религиозные конфессии Крыма в 1920 – е годы. // Крымский архив. - 2000. - № 6. – С.258-264.
3. Катунин Ю.А. Политика государственных органов власти Крыма в отношении церкви в 1927-1928 гг. // Культура народов Причерноморья. – 1999. № 7.- С.218-222.
4. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917-1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. – Симферополь –2002 – 416 с.

Материалы Государственного архива г. Севастополя (далее - ГАС).

5. ГАС. - Ф.Р-79,оп.1, д.207.
6. ГАС. - Ф.Р-79,оп.1, д.318.
7. ГАС. - Ф.Р-79,оп.1, д.673.
8. ГАС. - Ф.Р-79,оп.1, д.676.
9. ГАС. - Ф.Р-420,оп.1, д.236.
10. 10.ГАС. - Ф.Р-420,оп.1, д.246.
11. 11.ГАС. - Ф.Р-420,оп.1, д.370.
12. 12.ГАС. - Ф.Р-420,оп.1, д.372.
13. ГАС. - Ф.Р-420,оп.1, д.713.
14. ГАС. - Ф.Р-420,оп.1, д.908.

An article devotes of present interest and not much examined trouble about relations soviet power and Crimean musulman's societies in 1920-es. On a base of archive's documents, the analysis of mechanism carrying out soviet church's reforme by relation to musulman's societies of Sevastopol district represented.

УДК 297(477.75)

